

У Цю Тяньяна звенело в ушах.

Слеза, скатившаяся по щеке человека перед ним, ранила глубже, чем любые вопросы, и словно шило вонзилась ему в грудь. Оттуда к горлу подступил кислый и горький привкус, а от сильного чувства вины покраснели глаза.

- ...Никто не тронет эту квартиру, - хрипло сказал он, - никогда...

Услышав эти слова, Шень Янь слегка вздрогнул и долго и тяжело дышал, чтобы восстановить самообладание. В тот момент, когда он ослабил хватку на рубашке Цю Тяньяна, тот пошатнулся и упал обратно на диван.

Пережив интенсивный рост напряжения чувств и выплеск эмоций, Шень Янь почувствовал себя полностью опустошенным. Он вяло сделал два шага назад - как будто шел по болоту - и медленно, устало рухнул на свое прежнее место. Лицо у него все еще было бледным, а глаза - красными. Некоторое время он молча тер их руками.

Цю Тяньян как будто окаменел. Галстук и воротник у него оставались в беспорядке. Он выглядел совершенно растрепанным, но не предпринимал ничего, чтобы это исправить, и долгое время с пустым выражением лица глядел в какую-то несуществующую точку вдаль.

- В тот год ты... так и не открыл письмо, которое я тебе отправил? Я прав? - внезапно спросил он, оставаясь все в том же оцепенелом состоянии.

Руки Шень Яня на мгновение замерли, но он так ничего и не сказал. В тот год, после ухода бабушки, он заперся в пустой квартире. Он ни с кем не виделся, ни с кем не разговаривал - в особенности с людьми из семьи Шень.

Он отключил телефон и удалил с компьютера Скайп и QQ. Он полностью самоизолировался в этом закрытом мире и день за днем молча переносил все это, глядя на вещи, оставшиеся после деда с холодным, как остывший пепел, сердцем.

Он знал, что кто-то отчаянно стучался в дверь, но еще он знал, кто это был, поэтому так ни разу и не пошел ее открывать.

После того, как Шень Янь снова включил телефон, он узнал, что ему каждый день звонил кто-то с пекинским номером, но он так ни разу по нему и не перезвонил.

Через месяц, когда Шень Янь наконец-то снова открыл почтовый ящик, среди стопки конвертов лежало адресованное ему толстое письмо. Раньше все письма, которые присылали на этот адрес, предназначались бабушке, и вряд ли кто-нибудь знал, что он тоже там живет и стал бы ему писать. Так что Шень Янь догадался, от кого было то письмо. Но и по сей день он так его и не открыл - конверт был заперт в ящике стола уже несколько лет.

- Ты и правда даже его не открывал, - Цю Тяньян горько рассмеялся. Он поднял голову и в свете лампы пригладил волосы рукой, отчего стал выглядеть еще более растрепанным, чем раньше.

- ...Это потому, что ты не хотел видеть, что там внутри, не хотел читать все эти «прости»? ...Это потому, что ты думал: раз дело дошло до такого, говорить все это было бы слишком большим лицемерием?

Прошло много времени, но ответа так и не было.

Шень Янь мог более или менее догадаться о содержании письма и более-менее угадать, какими словами оно написано. Но дело было не в том, что он считал эти слова лицемерными - на тот момент он просто больше не хотел иметь ничего общего с семьей своего отца.

- Если бы ты не отвез меня тогда в больницу, я бы даже не узнал, что он тяжело болен. И если бы ты не помог мне растолкать тех людей, я, возможно, не сумел бы увидеть дедушку в последний раз... За это я должен тебя поблагодарить, - медленно произнес Шень Янь. Его голос был грубым и сухим, как будто его горло царапало гравием. - Если это было лицемерие... Ты бы этого не сделал.

Услышав это, Цю Тяньян по какой-то причине не смог больше сдерживать слезы. Он смотрел на Шень Яня в оцепенении, слеза выкатилась из его глаза и скользнула вниз по щеке.

Цю Тяньян торопливо вздохнул и вытер лицо.

- Это потому, что дядя... Он сам мне обо всем рассказал, - какое-то время он прерывисто ловил ртом воздух, прежде чем в конце концов немного успокоился. Начав дышать через нос, он снова заговорил:

- Когда он обнаружил, что я с тетей тайно планирую тебя выгнать, он пришел ко мне... и рассказал мне правду о том, что произошло в прошлом.

Тот мужчина был высокомерным и гордым человеком. А гордые и высокомерные люди всегда считают ложь ниже своего достоинства.

А еще тот мужчина был главным героем прошлых событий.

Так что слова того мужчины действительно... были правдой.

- Когда я узнал, что твоя мама была не какой-то там любовницей, когда я понял... что ты на самом деле ни в чем не виноват, и осознал, что я, подлец, наделал, было уже слишком поздно.

В то время Шень Янь проходил стажировку в другом городе, а старик не хотел беспокоить внука известиями о своей болезни, и потом – о самом плохом повороте событий. Ведь если он покинет этот мир, внук останется одиноким, опустошенным, без какой-либо поддержки в целом свете – и поэтому дед планировал, сжав зубы, перетерпеть все. В семье Шень не было никого, кто бы сообщил об этом Шень Яню, а жена того мужчины даже хотела воспользоваться тем, что в то время на месте его не было, а старик из-за болезни был не в силах управлять семьей, и выгнать Шень Яня из дома.

Узнав правду от дяди, Цю Тяньян быстро прилетел из Пекина, расспросил всех соседей, пробежался по округе и нашел Шень Яня в незнакомом городе, где тот проходил стажировку в местном карантинном учреждении.

Но, чтобы это сделать, Цю Тяньян должен был признаться, кто он такой.

- Выражение твоих глаз, когда ты услышал в той клинике, кем я был... Я никогда этого не смогу забыть.

Он никогда не забудет свои ошибки.

Он никогда этого не забудет, ему суждено всю жизнь нести бремя своей вины.

- В какой-то момент, – Цю Тяньян криво улыбнулся, – я подумал, что ты никогда больше не будешь со мной разговаривать.

Сколько бы раз он ни приходил туда, эти двери оставались закрыты; сколько бы раз он ни звонил – телефон был отключен или никто не брал трубку; сколько бы сообщений он ни отправлял в Скайпе и QQ, он так и не получал на них ответа. Даже когда он в тревоге отправил то письмо, ответа по-прежнему не было, как если бы он бросил камень в бездонное море.

Шень Янь всегда был человеком, готовым ответить на любую просьбу. А когда он больше не стал отвечать ни на что... Это значило, что он полностью оборвал все связи.

Когда Шень Янь ушел, у Цю Тяньяна не хватило смелости сказать правду Ян Цзе и остальным участникам группы, он даже почти перестал там появляться. В конце концов, их группа озвучания постепенно теряла поддержку основных участников, все они сталкивались с разными жизненными обстоятельствами, и постепенно каждый пошел своим путем.

Даже если Цю Тяньян брался за новый проект где-нибудь еще, сам факт того, что он занимается озвучкой, заставлял его чувствовать вину перед Шень Янем. А со временем он вообще не смог больше заставить себя этим заниматься, поэтому закончил все оставшиеся проекты и положил конец эпохе Холеных лошадей, которой так гордился.

- Два года назад... Дядя нашел меня и попросил передать это тебе, – пробормотал Цю Тяньян,

вынимая из кармана связку ключей.

Шень Янь, как и раньше, смотрел на него, нахмурившись.

- Он сказал, что ты определенно откажешься видеться с ним, но возможно, ты захочешь встретиться со мной... - Цю Тяньян нервно потер ключ большим пальцем. Зубчатая кромка ключа была такой же неровной и зазубренной, как и его чувства в этот момент.

- В тот день, когда я стоял у двери, я правда не думал, что она откроется, что ты захочешь ее открыть, чтобы меня увидеть. Но я был неправ.

Дверь открылась - только открылась, и больше ничего.

Всего в десятке сантиметров от него человек, которого он так давно не видел, стоял на лестничной клетке у входа в квартиру и наблюдал за гостем и за ключами в его руке холодным и равнодушным взглядом.

- Ты пришел, чтобы сказать мне, что я не могу больше здесь оставаться? Ты хочешь выгнать меня и отсюда?

- Нет...

- Тогда уходи.

Всего лишь несколько слов - но они не оставили никакой возможности умолять о прощении, прежде чем дверь тяжело закрылась.

- Тем не менее, твое отношение, по крайней мере, поменялось. Раньше ты меня полностью избегал, а теперь захотел увидеть хотя бы раз, - Цю Тяньян выдавил горькую улыбку. - Я думал, что... Возможно, наступит день, когда я смогу встретиться с тобой лицом к лицу и поговорить как следует.

В этот момент Шень Янь негромко произнес:

- Теперь я готов тебя выслушать, так что давай, говори.

Услышав его слова, Цю Тяньян на мгновение замер, а затем поджал губы, как будто ему было необходимо сначала подавить в голосе легкую дрожь, и только потом заговорить:

- Сегодня я пришел не для того, чтобы оправдываться. Все ошибки уже были сделаны, и у меня нет права голоса по этому поводу.

- ...Тогда у тебя была своя точка зрения, и ты не знал правды, - голос Шень Яня звучал спокойно и приглушенно, как будто бурные чувства, вскипевшие мгновение назад, постепенно утихли, подобно тому, как волны после шторма возвращаются в море, оставляя после себя гладкий песчаный пляж. - Конечно, ты предпочел того, человека, который был к тебе ближе, незнакомцу вроде меня. Вот так оно и бывает.

Цю Тяньян продолжил разговор не сразу. Некоторое время он сидел молча. Затем он снова протянул руку и налил Шень Яню стакан воды. У него все еще дрожали руки, но он крепко держал бутылку и налил стакан до краев. Прямо в этот момент что-то в его сердце тоже медленно наполнялось.

- То письмо, - внезапно он вернулся к основной теме разговора, его голос звучал так же осторожно, как и движение, которым он пододвинул стакан с водой к Шень Яню, - открой его, когда вернешься. Кроме письма, которое я тебе тогда написал, там лежит еще и копия акта о собственности на ту старую квартиру.

Шень Янь был ошеломлен - он поднял голову и в шоке посмотрел на Цю Тяньяна. Тот слабо улыбнулся:

- После того, как дедушка скончался, дядя не принял никаких возражений тетушки и поменял имя в свидетельстве о праве собственности на твое - я просто хочу, чтобы ты его посмотрел. Когда я увидел, как ты насторожился по поводу этого места, думая, что я хочу тебя оттуда выселить, я понял, что ты так и не открыл то письмо.

Шень Янь долго смотрел на него, а затем, наконец, опустил глаза, не в силах произнести ни слова.

В этот момент Цю Тяньян положил на стол ключи, которые держал в руке, и подвинул их к стакану с водой, предлагая все вместе Шень Яню.

- А еще это. Два года назад я не смог тебе это внятно объяснить... Два года назад ты, наверное, это бы не принял. Поэтому я сегодня снова взял их с собой.

Это были обычные ключи от квартиры - два одинаковых набора, сверкавшие серебром в свете лампы.

- Кроме старой квартиры дядя подарил тебе вот это, - медленно произнес Цю Тяньян. - Это квартира, которую он купил в Пекине. Он не хотел, чтобы тетушка знала об этом, поэтому записал все на мое имя, надеясь, что когда-нибудь я смогу потихоньку передать ее тебе.

- Мне это не нужно, - спокойно, но в то же время решительно ответил Шень Янь.

Он этого не хотел.

Единственное, чего он хотел, – та старая квартира, даже если бы для этого пришлось потратить все кровно заработанные за всю жизнь деньги, чтобы выкупить ее у семейства Шень. Но теперь ему больше не нужно было делать. Кроме того, ему было не нужно, чтобы тот человек что-либо ему давал, в особенности что-нибудь материальное...

Цю Тяньян знал с самого начала, как тот на это отреагирует. Он был ни капли не удивлен, и только тихо вздохнул.

– Мне нужно кое-что тебе сказать... – хотя это было совсем не его дело, если он промолчит и ничего не скажет, потом это станет только лишним грузом.

– Может показаться, что дядя пытается подкупить тебя деньгами, стать твоим покровителем, но я хочу сказать... Не все так, как ты думаешь. В этом мире есть люди, которые не знают, как выразить свое раскаяние словами, особенно такие гордые люди, как дядя. В его образе мыслей, в ценностях, которые свойственны людям его поколения, есть вещи, которые трудно выразить словами. Они способны показать их только через материальное. Но это не значит, что он думает, что ты из тех, кого можно купить деньгами. Он просто... не знает, как сказать «прости меня».

Время может изменить многое, и люди тоже могут измениться. Иногда только в определенном возрасте некоторые из них оглядываются назад и размышляют обо всех нелепостях, которые они совершили на протяжении своей жизни.

– Дяде уже за пятьдесят, это возраст, когда человек уже принимает свою судьбу. Хотя он никогда определенно об этом не говорил, я знаю, что он раскаивается, – Цю Тяньян постепенно перешел к сути. – Конечно же, это не значит, что простое «мне очень жаль» может свести на нет любой долг в этом мире, но у каждого есть свой способ его вернуть.

Шень Янь слушал его молча и ничего не говорил.

– Я... Я как-то слышал, – продолжил Цю Тяньян, – что Учитель Пу упомянула Учителю Юаню, что хотела бы пригласить тебя в свой университет, чтобы ты продолжил образование и получил степень бакалавра, а еще, когда я сегодня разговаривал с Днем Возвращения, он сказал, что его переводят по работе в Пекин после начала следующего года. Так что... ребята, вам ведь понадобится место, где вы в это время сможете жить, верно?

Когда Цю Тяньян упомянул Ци Цзина, у Шень Яня слегка изменилось выражение лица. Он открыл было рот, но в итоге ничего не сказал.

– Снимать квартиру в Пекине действительно дорого, особенно в районах с удобными транспортными развязками. Если вы будете жить далеко от центра города, поездки каждый день на работу и обратно станут очень утомительными и займут много времени. Эта квартира хорошо расположена, рядом станция метро, и она находится в районе с относительно хорошо налаженным управлением, – Цю Тяньян говорил это со всей искренностью и без намерения оказать на Шень Яня давление. – Если ты готов принять это во внимание... Подумай об этом

как о бесплатном съеме квартиры. А еще так ты сможешь облегчить бремя для Дня Возвращения.

Взгляд Шень Яня надолго задержался на ключах, лежавших на столе, прежде чем он наконец протянул руку и взял их.

Однако, принципам он своим не изменил.

- Стажировка Дня Возвращения продлится три года. И если я решу продолжать образование и получить бакалавра, это тоже займет три года, - сказал он. - Через три года я верну тебе ключи. После этого ты можешь делать с ними все, что захочешь...

Затем он поднял стакан с водой, запрокинул голову и выпил всю воду одним глотком.

Цю Тяньян смотрел, как медленно исчезала вода из стакана, и вдруг почувствовал, как внутри него вспыхнула смесь эмоций. Он ошеломленно смотрел на Шень Яня, пока тот не выпил весь стакан целиком.

После стольких лет он никак не ожидал, что Шень Янь их примет.

Примет эту связку ключей.

Примет этот стакан воды.

А если предложить ему третью вещь, с которой Цю Тяньян опоздал, примет ли он и ее?

- Шень Янь, прости меня, - возможно потому, что вызванное этими словами психологическое бремя было слишком велико, чем дольше он говорил, тем более напряженным и хриплым становился у него голос, вплоть до того, что Цю Тяньян не смог подавить слабый всхлип. - За все, что я сделал в прошлом... Пожалуйста, прости меня.

Говоривший эти слова так боролся с собой, но выражение лица у того, кто их слушал, было таким же, как и прежде, ни радостным, ни печальным, словно во всех этих событиях он был посторонним - спокойным, как стоячая вода.

Шень Янь молча опустил стакан на стол, оставив его стоять там. Оставить, отпустить - это такое простое действие, но порой люди тратят на него целую жизнь.

У человека только одна жизнь, и тратить ее целиком всего лишь на одну вещь было бы слишком расточительно. Вот поэтому...

- Я тебя прощаю, - бесстрастно произнес он.

После этого он тоже выдохнул, закрыв глаза. Плечи у него опустились, словно он избавился от какого-то бремени. Шень Янь удобно откинулся на спинку дивана, а его рука потянулась к той самой пуговице, висевшей на шнурке у него на груди.

В этот момент он почувствовал, как сидевший рядом мужчина придвинулся ближе и внезапно крепко его обнял, снова возложив ему на плечи тяжесть, которую он только что снял. Но это не показалось Шень Яню неприятным. Даже несмотря на то, что голова, которая лежала у него на плече, слегка тряслась, и что-то мокрое и горячее, падавшее на его рубашку, вызывало легкое раздражение.

А тот парень продолжал бормотать, не думая, что причиняет этим какие-то неудобства:

- Спасибо, спасибо...

- Угу, - ответил он мягко.

Прямо в этот момент внезапно с щелчком распахнулась дверь, и в комнату один за другим вошли двое мужчин. И первое, что они увидели, войдя туда, - было именно это.

Ци Цзин замер.

Шень Янь замер.

Цю Тяньян тоже замер.

А Тань Цзысянь замирать не стал, и приподнял одну бровь.

...Почему эта ситуация была такой... странной? Потому что, очевидно... это не было чем-то вроде вытасченного на свет тайного прелюбодеяния?

Цю Тяньян какое-то время сидел в той же позе, все еще обхватив Шень Яня, и растерянно моргнул, не зная, что делать.

Видя, как тот цеплялся за Шень Яня, словно коала за дерево, Тань Цзысянь не стал протестовать. Он спокойно повернулся, раскинул руки и крепко обнял стоявшего рядом с ним Ци Цзина. Это была дерзкая и самодовольная провокация: «Если ты можешь с кем-то обниматься, то я тоже могу». Тань Цзысянь даже уверенно положил голову Ци Цзину на плечо, воспроизводя сцену «Бросаюсь в чужие объятия» - в со-вер-шен-стве.

У Цю Тяньяна мгновенно побелело лицо, и на нем появилось выражение боли, настолько сильной, что он даже не мог заплакать в знак протеста.

Ци Цзин поначалу тоже был поражен этими объятьями Тань Цзысяня, но преувеличенное выражение на лице Цю Тяньяна опять заставило его остановиться. Затем он уже не смог сдержаться и захлебнулся от смеха.

Шень Янь все еще был слегка ошарашен, но, когда он увидел смеющегося Ци Цзина, хмурое выражение постепенно исчезло с его лица, и он тихо усмехнулся.

Верно.

Ко всему прочему – у него была только одна жизнь, так что вместо того, чтобы тратить ее на попытки отпустить прошлое, почему бы просто... не потратить ее на то, чтобы ценить настоящее?

Примечание автора.

Честно говоря, количество фанатов «Пять», превратившихся после предыдущей главы в антифанатов, превзошло мои ожидания... (Это потому, что я еще не закончила сцену? Не могу бросать людей на клиффхангере, вот так... Так что на этот раз не стоило заканчивать главу на решающем моменте, йеп.)

Похоже, что многие люди поняли все так, что Папа Котика не видел последних минут жизни своего дедушки. На самом деле, ему это удалось, хотя события, которые к этому привели, были несколько тяжеловаты. Если бы он и правда не смог бы увидеть своего дедушку перед его смертью, это было бы слишком жестоко. □^□

Что же касается «Пять», то его оценку я оставляю следующим поколениям («Пять»: QAQ, ну я же не умер...)

P.S. Да, до самого конца, я все равно тайно шипперю «Лимит времени» (:3□<_

<http://bllate.org/book/13906/1225681>